

И. Родин

Последний канцлер

Игорь Родин
Последний канцлер

«Автор»

2018

УДК 82-24
ББК 84(2)6

Родин И. О.

Последний канцлер / И. О. Родин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-4458-8642-6

Пьеса «Последний канцлер» посвящена великому русскому дипломату и общественному деятелю, однокашнику и другу Пушкина, последнему канцлеру Российской империи, денонсировавшему унижительный Парижский договор и вернувшему России Крым, черноморский флот и влияние в южных регионах.

УДК 82-24

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4458-8642-6

© Родин И. О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Действующие лица:	6
Акт 1	7
Картина 1	7
Картина 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

И. О. Родин
Последний канцлер
Драма в трех актах

© Родин И. О., 2018

Действующие лица:

Горчаков Александр Михайлович – последний канцлер Российской империи.

Пушкин Александр Сергеевич – великий русский поэт.

Филипп – слуга в имении Михайловском.

Карл Роберт фон Нессельроде – предпоследний канцлер Российской империи. Занимал пост министра иностранных дел дольше, чем кто-либо другой – 40 лет.

Урусова Мария Александровна – жена Горчакова, вдова И. А. Мусина-Пушкина, племянница Татищева Дмитрия Павловича.

Татищев Дмитрий Павлович – знатный русский вельможа, сенатор, обер-камергер, действительный статский советник, посол России в Вене в 1822–1841 гг.

Личный секретарь Татищева

Эдвард Стекль – в 1864–1869 г. посол России в Америке.

Император Александр II

Великий князь Константин Николаевич – брат царя Александра II.

Надежда Сергеевна Акинфова – любовница Горчакова, впоследствии жена герцога Лейтхенбергского, графиня Богарне.

Бисмарк Отто фон – первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

Секретарь Горчакова

АКТ 1 1825 год

Картина 1

(Михайловское. Гостиная старинной усадьбы. У стола сидит Горчаков и читает, развернув перед собой, газету. Входит слуга).

Слуга: Александр Сергеевич уже встали и сейчас выйдут.

Горчаков: Неужели? А то поспал бы еще немного. Всего-то за полдень перевалило!
(Слуга уходит, в гостиной появляется заспанный Пушкин в халате).

Горчаков: Здравствуй, друг мой бесценный! Все спишь? Время – скоро полдень! Похоже, ты совсем не изменился! Как был первым лодырем в классе, так и остался!
(Пушкин сонно смотрит на гостя).

Горчаков: Эй! Пора вставать! Горчаков пожаловал с ответным визитом! *(громко трубит побудку, словно на трубе).*

Пушкин *(морищится и трет лоб, как от головной боли):* Ради бога, не кричи! Экий ты неугомонный. Тоже ничуть не изменился. И выглядишь... Недаром тебя в лицее Франтом прозвали.

Горчаков: Я не изменился?! Да как ты посмел сказать такое! Я невероятно вырос как по службе, так и в смысле личного развития! Это ты дезертировал с дипломатической службы, а я по-прежнему вношу свой скромный вклад. Чего морщишься? Небось, всю ночь пьянствовал?

Пушкин *(мрачно):* Не всю.

Горчаков: А чего тогда такой букой смотришь? В карты что ли проигрался? *(Пушкин молча сопит).* Точно, проигрался! Сколько раз говорил – не играй ты в азартные игры, а тем более на деньги! Ну, не твое это! Даже в самой выигрышной партии умудряешься проиграть.

Пушкин: Да ерунда все это. Просто не повезло.

Горчаков: Вот в этом твоя главная беда. Выигрывает не тот, кому везет, а тот, у кого больше выдержки и способности просчитывать ходы. Математика, мой дорогой, чистая математика!

Пушкин: Никогда не любил точные науки.

Горчаков: То-то и оно! Ну, скажи на милость, здесь-то ты кому умудрился проиграть? Я понимаю, в Петербурге. Но в этой глуши...

Пушкин: Да тут у соседского помещика общество собиралось...

Горчаков: Девицы, наверное, на выданье были?

Пушкин: Как догадался?

Горчаков: Ну, брат, я тебя не первый год знаю. Чем еще тебя можно заманить в провинциальное собрание? Ладно, ну их к черту! Дай я тебя обниму что ли! *(обнимаются, трижды целуются).* Тьфу, а бакенбарды-то отрастил! Баки как у собаки! Да просыпайся уже! Гимнастику, поди, бросил делать? Помнишь, как в лицее? Гимнастика лучших французских борцов! И английский бокс! А? *(пытается боксировать с Пушкиным, тот вяло отмахивается).*

Пушкин: Да отстань ты! Голова болит! Пошли лучше завтракать. *(Садятся за стол).* Надо холодное полотенце на лоб положить.

Горчаков: Тебе бы сейчас не полотенце, а другого лекарства надо. Эй, человек! Человек!
(Входит слуга) Рюмку водки барину!

Слуга: Позвольте, это как же с утра-с...

Горчаков: Ты еще поговори у меня! Ну-ка быстро! (*Поворачивается к Пушкину*). Кстати. Почитываю твои сочинения. Хоть служба и не много времени оставляет, стараюсь быть в курсе. (*Слуга вносит водку, Пушкин нюхает, с отвращением морщится*).

Горчаков: Давай, давай. Надо.

(*Пушкин залпом выпивает рюмку водки*).

Пушкин: И как?

Горчаков: Что «и как»?

Пушкин: Сочинения.

Горчаков: Ты знаешь, свежо. Местами живо. «Руслан и Людмила» – просто чудо. В некоторых моментах смеялся громко и довольно долго. А вот стихи есть очень унылые. Не могу такое читать.

Пушкин: Не все же время радоваться.

Горчаков: Не все. Бывают в жизни и огорчения. И тоска даже одолевает. Но в такие моменты еще и стихи меланхолические читать – увольте! Это ж только и будешь что лежать на диване, предаваться грусти и жалеть себя любимого.

Пушкин: Так а чем же это плохо?

Горчаков: Дело кто делать будет? Кто интересы государства станет отстаивать? Кто политику вести будет и заводами управлять?

Пушкин: Ну, не всем же политику вести. Кому-то и на диване похандрить не грех.

Горчаков: А еще лучше на печи. На Руси это принято. Сидеть сиднем 30 лет и 3 года, а потом в богатыри записаться.

Пушкин: Ну, предположим, служака ты такой потому, что другого источника доходов у тебя нет. Что ж, сам виноват. Кто отказался от своей части наследства в пользу сестер? Может, не стоило быть уж настолько благородным?

Горчаков: Стоило. Может, я это специально сделал, чтобы пути обратного не было, чтобы работать, а не наследство потихоньку проедать? Знаешь, Пушкин, ничто так не способствует поднятию работоспособности и возникновению вдохновения, как отсутствие денег.

Пушкин: Вот с этим я, пожалуй, соглашусь.

Горчаков: Помню, я когда только на службу пришел, все время яд в кармане с собой таскал.

Пушкин: Да ну! Это еще зачем?

Горчаков: Чтобы употребить, если меня вдруг должностью или чином обойдут.

Пушкин: Вот глупость какая.

Горчаков: Да это понятно. Знаешь, только при всей глупости, подобное «memento mori» было совсем не лишним.

Пушкин: Не обошли, как я понимаю?

Горчаков: Ни чином, ни должностью, ни наградой.

Пушкин: Поздравляю. А все-таки ты большой... э-э-э... романтик.

Горчаков: Да ладно, дело прошлое.

Пушкин: Сам-то сейчас откуда? Да еще такой бодрый. Говорят, в Англии служишь?

Горчаков (жуя): Почитай уж пятый год в туманном Альбионе обретаюсь в должности секретаря посольства.

Пушкин: Неплохо. И как англичане?

Горчаков: Пардон?

Пушкин: Ну, что они за люди? Как тебе вообще тамошняя жизнь?

Горчаков: Никак. Скучно, чопорно, душно. Претензии нести цивилизацию остальному миру, а на деле – палочная дисциплина и нацеленность на грабеж. Всегда были разбойники, разбойники и есть. Хотя, что им еще остается? Острова маленькие, толком там ни черта не растет, погода дрянь, сплошное море вокруг. Единственный выход – пиратствовать, подминать

под себя морскую торговлю да грабить разных папуасов в южных колониях, параллельно объясняя им, что это делается для их же блага. Ну и, конечно, шпионить. Лично у меня иногда создается впечатление, что в Англии вообще живут одни матросы и шпионы. Впрочем, матросы зачастую тоже оказываются шпионами.

Пушкин: А как же английские писатели?

Горчаков: Перестань. Шпионы через одного. Им это не зазорно. Даже похвально. Это у нас писатели по ночам пьянствуют и в карты играют. А у них они делом заняты. *(Оба смеются)*.

Пушкин: Как-то у тебя все слишком просто получается.

Горчаков: Согласен. На самом деле все сложнее. У англичан есть чему поучиться. Особенно нам. Той же дисциплине, например. Или тому, что они называют «здравый смысл». Но тут важно соблюдать меру. Ведь оно как? С одной стороны, вещь хорошая, а с другой, этот «здравый смысл» иногда поворачивается к тебе таким противным боком, что только руками разведешь. Прямо хочется плюнуть и отойти подальше. Основа «здорового смысла» – рассудок. А рассудок всегда и везде выбирает выгоду. Мелкую, пошлую, гнусную выгоду. Короче, скучно. Туман над Темзой и английский сплин.

Пушкин (зевая): Ну, и чем ты там занимаешься?

Горчаков: Честно говоря, в основном циркуляры и дипломатические бумаги составляю.

Пушкин: Господи помилуй! Хотя, помню, ты еще в лицее с увлечением осваивал даже такую науку, как складывание и запечатывание конвертов.

Горчаков: На дипломатической работе вещь крайне нужная! Вот ты, например, знаешь, что почта конфиденциальная и официальная запечатываются совсем по-разному?

Пушкин: Помню что-то такое...

Горчаков: А вот запечатать сам вряд ли сможешь.

Пушкин: Тебе в лицее золотую медаль за это дали.

Горчаков: Всегда подозревал, что ты мне завидуешь черной завистью!

Пушкин: Да ну тебя совсем с этой ерундой! Горчаков, неужели тебе это все нравится?

Горчаков: Что именно?

Пушкин: Да циркуляры и прочая бумажная возня.

Горчаков: Поначалу не нравилась. Совсем. Но потом...

Пушкин: Ты шутишь. Как может нравиться писать какой-то циркуляр? Я понимаю там, стихотворение, или рассказ... А тут... клопы сдохнут от этого слога.

Горчаков: Да пусть дохнут. Ну, ты сам посуди... Что есть циркуляр?

Пушкин: И что же?

Горчаков: Торжество содержания над формой. Только представь... Эмоций – и правда, никаких. Зато в нем вся мощь государства, вся необъятная территория нашей империи! Циркуляр при всей своей литературной неказистости приводит в движение армии, его сухой слог заставляет сдаваться города и отречься царей от престола.

Пушкин: О, да это прямо ода циркуляру! Поэзия, да и только!

Горчаков: Зря иронизируете, господин пиит!

Пушкин: Да где уж нам! Мы такому высокому слогу чужды. Мы на земле копошимся, в пыли и прахе.

Горчаков: Все-таки скверный у тебя характер, Пушкин! Как был, так и остался. Поколотишь бы тебя, как в былые годы. Ну, да ладно. Расскажи лучше о себе. Чем занят? Ну, кроме того, что пьянствуешь по ночам и играешь в карты.

Пушкин: Да что я могу тут делать? Только писать. Если ты не забыл, я всего лишь опальный, ссыльный поэт...

Горчаков: Ладно сиротой прикидываться. Ты, конечно, талант. В стихотворстве лучший из нас. Но в том, что сослани, сам виноват. Пасквили возмутительные писал? Писал. С Воронцовым свару затеял? Затеял.

Пушкин: Это он затеял!

Горчаков: Не ври. Кто за его женой волочиться вздумал? Я б за такое вообще пристрелил. Ну, или морду набил.

Пушкин: Получается, он испугался.

Горчаков: Кто, Воронцов? Герой войны? Человек, оплативший из личных средств все счета русской армии, когда она стояла в Париже?

Пушкин (морщась): Это только слухи.

Горчаков: Не слухи, дорогой мой. Оплатил. Несколько имений продал. Каждый завтрак и обед самого последнего русского солдата. Я бы, например, вообще ничего платить не стал. Да еще б и высечь приказал на площади тех, кто пришел требовать оплаты за наших солдат. Они бы мне еще за сожженную Москву ответили. Лавочники.

Пушкин: Выходит, Воронцов глупость сделал. Зачем платил?

Горчаков: Может, и глупость. Да только каковы понятия о чести! Знаешь, Пушкин, в Европе любят рассуждать о чести и достоинстве, кичиться традициями. А как до дела дойдет, или тем более денег... Тьфу! Ни чести, ни достоинства нет и в помине. Уж поверь мне. Мораль и честь у них карманные: вынимают тогда, когда понадобятся.

Пушкин: Я что-то в этом роде предполагал.

Горчаков: Правда?

Пушкин: Конечно. Почитываю на разных языках. Хотя в заграницы не езжу. В основном по родному отечеству перемещаюсь. Часто даже не по своей воле.

Горчаков: Скажи спасибо, что не в Сибирь сослали. Добывал бы руду сейчас где-нибудь под Нерчинском. Прогресс – он в постепенности. Смуту разжечь и кровью страну залить, как французы при Робеспьере, – дело нехитрое. А создать что-то путное – годы жизни потратить надо. Долго и нудно работать, а не с романтическим запалом лезть в воду, не зная броду. Вот скажи, Пушкин, отчего у нас никто не хочет работать, а хочет, чтобы все сразу волшебным образом переменялось? Я думаю, дело в романтизме. Вредная штука. Он в порыве, в остроте ощущений, в борьбе, а не в каждодневном корпении над бумагами!

Пушкин: Я тоже не большой поклонник романтизма. Кстати, я тут окончил одну новую вещицу...

Горчаков: Надеюсь, не очередное унылое стихотворение?

Пушкин: Черт! Да где ты у меня унылые стихи нашел?

Горчаков: Были. Даже не спорь.

Пушкин: Тьфу!

Горчаков: Так что за вещица?

Пушкин: Не скажу!

Горчаков: Ну, не дуйся. Хорошо. У тебя нет унылых стихотворений. Только жизнерадостные. Все до одного.

Пушкин: То-то же!

Горчаков: Что за вещица?

Пушкин: Драма. «Борис Годунов».

Горчаков: Ого! Самозванец, Марина Мнишек, убиенный царевич Дмитрий... Смута, одним словом. Все бунт пытаешься осмыслить?

Пушкин: Смута и бунт, особенно в России, вещи разрушительные. Вот я и попытался понять...

Горчаков: Слушай, ну их всех! Давай потом, когда прочтешь мне драму. Ведь ты доставишь мне такое удовольствие? (*Пушкин кивает*). А помнишь, как в лицее лазали ночью в окно?

Пушкин: Помню даже, как нас поймали.

Горчаков: А Прасковью помнишь?

Пушкин: Какую?

Горчаков: Ну, на кухне работала...

Пушкин: Ах, эту...

Горчаков: Мою да и, кажется, твою первую любовь.

Пушкин: Надо же. А я почему-то думал, что ее звали Дарья.

Горчаков: Не, Прасковья. Точно... Кажется.

Пушкин: Эх, золотые были времена!

Горчаков: Это точно.

Пушкин: А пироги как с кухни таскали, помнишь?

Горчаков: Помню, конечно. Да только мне и так давали.

Пушкин: Прасковья?

Горчаков: Она.

Пушкин: Экий ты расчетливый однако! Мало того, что меня обошел, так еще и добавку к рациону получал особо! *(Оба смеются)*.

Горчаков: Я тебе давно говорю. В этой жизни без расчета никуда. Ладно. Что собирался делать целый день?

Пушкин: Отлеживаться после вчерашнего.

Горчаков: Потом отлежишься. Прогуляться тебе надо, вот что! Но не просто меланхолично побродить по лесам и лугам. Может, на охоту?

Пушкин: Какая еще охота?!

Горчаков: На зайца. Ну, или на кабана. Тоже неплохо.

Пушкин: Какого еще кабана? Не пойду, хоть режь!

Горчаков: Ну, тогда рыбалка остается. Удочки есть? Эй, человек! *(Входит слуга)*. Как зовут молодца?

Пушкин: Филипп.

Горчаков: Филя, удочки где? Мы с барином идем на рыбалку. Через полчаса чтобы все было готово! Наживка, прикормка, все как положено! Да живее шевелись, раб божий! *(Слуга, недоуменно озираясь, уходит. Горчаков кричит вслед)*. Еды с собой собери! И сам с нами пойдешь!

Пушкин: Чего ты еще затеял? Какая рыбалка? Там сыро, грязно, и вообще я не настроен...

Горчаков: Настрой – дело наживное. Давай, вставай. Одевайся, не в халате же ты пойдешь!

Пушкин: Да я вообще не хочу никуда идти!

Горчаков: Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Вперед! Мир полон красок и великих свершений. Кстати, где тут у вас река? *(Берет Пушкина под руку, тащит, несмотря на сопротивление, за собой)*.

Картина 2

(Горчаков и Пушкин на берегу реки. Горчаков держит удочку и напряженно смотрит на поплавок. Пушкин лежит на берегу и глядит по сторонам. Его удочка покоится на траве. Филипп в отдалении пытается развести костер. Поплавок Пушкина слегка подрагивает. Горчаков делает знаки, пытаясь привлечь внимание Пушкина. Тот не реагирует.)

Горчаков: Да проснись ты! Клюет! Тащи! *(Пушкин вскакивает, дергает удочку, крючок оказывается пустой)*

Горчаков: Ну вот! Сошла! Чего по сторонам зеваешь? На поплавок смотри! Поклевку пропускай, а как в сторону потащит, подсекай и тяни. *(Пушкин застывает в напряженной позе, некоторое время смотрит на поплавок, потом зевает и садится на землю.)*

Пушкин: Все-таки дурацкое занятие. Стоишь, таращишься, как сеттер, ждешь непонятно чего. Толку – ноль.

Горчаков: Совершенно с тобой не согласен! Тут все – интерес, азарт, соревнование! Поединок, кто кого переиграет, перехитрит – ты рыбу, или она тебя. В любом случае главное здесь – выждать удобный момент, чтобы действовать наверняка... Да тащи ты! Клюет же! *(Пушкин тащит, крючок опять оказывается пустым. Пушкин плюет, в сердцах бросает удочку).*

Горчаков *(качая головой):* И главное тут – терпение. Все как в жизни.

Пушкин: Нет ничего глупее, чем ждать. Прождешь всю жизнь. А то, чего ждал, так и не случится.

Горчаков: Может быть. Но дело не в «случилось» или «не случилось», а в твоей готовности к этому. Может, ты на границе глядишься вдаль... охраняешь рубежи отечества. И никого нет годами... Так может, потому и нет никого, что ты стоишь тут, на границе?

Пушкин: При чем тут границы отечества? Все, что мы способны здесь дождаться, так это какой-нибудь задрипаный ерш или тощий окунь, высунувшийся из тины на свою голову.

Горчаков: Ты не можешь наверняка этого знать.

Пушкин: Это еще почему? Все, что тут ловили когда-либо, это ерши, окуни да пескари. Ну, щука бывает.

Горчаков: И все-таки ты не можешь этого знать. Вдруг под этой гладкой поверхностью живет... акула?

Пушкин: Акулы живут в морской воде.

Горчаков: А это пресноводная акула.

Пушкин: Да ну тебя. Чушь какая-то. То же мне – жизненное призвание – стоять возле убогой речушки, в которой кроме лягушек, пиявок и прочей дряни ничего отродясь не водилось, и ждать – не вынырнет ли акула?

Горчаков: Все как в жизни, брат Пушкин. Ведь если искренне верить, что акула там, она рано или поздно действительно вынырнет.

(Горчаков вытаскивает очередного окуня).

Пушкин: Ну да. А вода обратится в вино. А пять хлебов в целый воз караваев.

Горчаков: Зря иронизируешь.

Пушкин: Да какое там! Я преклоняюсь.

Горчаков: Понятно *(вытягивает пескаря)*. Продолжай в том же духе. Об удочке не забывай.

(Пушкин нехотя встает и забрасывает удочку).

Горчаков: Подкорми. Клевать лучше будет.

(Пушкин начинает, лежа на траве, со скучающим видом бросать прикормку в свой поплавок).

Пушкин: Так что, Нессельроде у вас в министерстве, выходит, стал полноправным хозяином?

Горчаков: Стал, стал. Уже почитай третий год как Каподистрию наш государь отправил «поправлять здоровье» на воды. Вот скажи, Пушкин, как так получается, что полнейшая серость, человек, ненавидящий любое проявление свободы, даже любой намек на нее, который, пока живет здесь, даже не удосужился нормально выучиться говорить по-русски, оказывается у руля? И где? В министерстве иностранных дел Российской империи! Мало того, что он смотрит в рот Миттерниху, он еще и защищает по большей степени интересы не России, а Австрии и Пруссии! Был Каподистрия, который ему противостоял, да и того убрали. С ума сойти. Два главных лица в министерстве – один немец, другой грек. И грек по какой-то нелепой случайности ратует за Россию.

Пушкин: Православный все же.

Горчаков: Ну, допустим. Но все равно, если вдуматься, полный нонсенс, как любят говорить англичане... Да хватит уже прикормку изводить! Ты, видимо, хочешь, чтобы рыба сама от обжорства кверху пузом повсплывала?

Пушкин: А что, это способ.

Горчаков: Не умничай. Закинь удочку подальше.

(Пушкин встает, пытается вытащить из воды леску, но оказывается, что крючок зацепился за что-то).

Пушкин: Ну ее к черту совсем! Зацепилась!

Горчаков: Ну так отцепи!

Пушкин: Как я ее отцеплю?

Горчаков: Филиппа своего пошли.

Пушкин (озираясь): А где он?

Горчаков: Должно быть, за хворостом ушел.

Пушкин: А черт! Что делать?

Горчаков: Сам в воду полезай.

(Пушкин плюет с досады, потом снимает штаны и рубашку, лезет в реку. Пытается нащупать крючок, потом поскользывается и падает в воду. Начинает, отфыркиваясь, плавать).

Горчаков: Ну вот, теперь купаться затеял!

Пушкин: Эх, хорошо! Освежает!

Горчаков (швыряя в него поджоржкой): Всю рыбу распугал, медведь неуклюжий!

Пушкин: Медведь – не хорек, зверь уважаемый. А что же государь не выгонит этого Нессельроде, если от него вред один?

Горчаков: Сам бы хотел ответить на этот вопрос. Вот, слушай анекдот. Представь, этого Нессельроде еще лет в 10 записали во флот. Ну, окончил он гимназию, приехал в Россию, карьеру делать. И тут выяснилось, что у него жуткая, хроническая морская болезнь. Убиенный государь Павел был большой поклонник прусского уклада, и вместо того, чтобы выгнать дохляка-пруссак, наоборот, приблизил к себе. И определил... курам на смех!.. в кавалерию!

Пушкин: Надо полагать, кавалериста из него тоже не вышло?

Горчаков: Еще бы. Наш кавалерист в политику подался, поехал в Германию в качестве российского посланника и стал методично натравливать Россию на Францию и наоборот.

Пушкин: И что?

Горчаков: Натравил. За это его очень в Европе уважают.

Пушкин: А здесь?

Горчаков: Наш кавалерист очень гибкую спину имеет. Умеет сказать только то, что от него ждут. Ну, и, естественно, женитьба.

Пушкин: А кто жена?

Горчаков: Дочь министра финансов.

Пушкин: И что, сильно дурна собой?

Горчаков (*махнув рукой*): Для таких, как Нессельроде, дочь министра финансов не может быть уродиной.

Пушкин: Н-да, похоже, этот Нессельроде по-своему очень счастливый человек.

Горчаков: Это точно. Ты плавать-то долго собираешься? Вылезай уже.

(*Пушкин вылезает на берег, дрожа, начинает одеваться*).

Горчаков: Ты крючок отцепил?

Пушкин: Тьфу, забыл! Ничего, вон Филипп из леска возвращается. Он и отцепит. Эй, Филипп!

Филипп (*подходя и сваливая возле костра хворост*): Чаво, барин?

Горчаков: Барин интересуется, тебе больше кто по душе – немцы или греки?

Филипп (*чесет затылок*): Дыть, я ни тех, ни других толком не видал. Один раз только, на ярманке. Немец важный такой... и грек тоже ничаво... Носатый.

Горчаков: И что скажешь о них?

Филипп: Да что сказать? Покупать я ничего у них не покупал... Да, поди, жулики оба.

Горчаков: Так и оба?

Филипп: А что? Кто ж свою выгоду упускать станет? Немцы – те бусурмане, веры латинской, а греки веры нашей, православной. Хотя какая разница, кто тебя надует?

Горчаков (*смеется*): А ты, братец, философ! Помоги лучше барину крючок отцепить.

(*Филипп снимает штаны и залезает в воду*).

Пушкин: Осторожней, Филипп, мой друг утверждает, что там акула плавает!

Филипп: А кто его знает, может и плавает. Одному Богу известно, кто тут плава ае т.

Горчаков: Нессельроде там плавает! Выудить бы его – и в котел!

Филипп: Кто его знает, может, и несельродя плавает... Рот открывает, ногами дрыгает...

(*Филипп отцепляет крючок и вылезает на берег. Насаживает наживку и забрасывает удочку*).

Горчаков (*Филиппу*): На вот, закинь в котелок, на уху хватит.

(*Филипп берет ведро с рыбой, начинает возиться с котелком. Пушкин с Горчаковым рассаживаются у костра*).

Горчаков (*Филиппу*): А скажи, братец, поехал бы ты жить в Англию, если б привелось?

Филипп: В Англию? Чего ж мне в Англии делать?

Горчаков: Да что угодно. Хоть землю пахать.

Филипп: Дык я ее и тут пахать могу. Зачем ехать?

Горчаков: Ну, а как государь бы приказал – поезжай, мол, Филипп, интересы России требуют, чтобы ты посольские дела вел?

Филипп: Это какие такие дела?

Горчаков: Ну, например, ко всяким министрам тамошним ходить, волю нашего государя передавать, для наших министров донесения составлять, в разных важных заседаниях участвовать.

Филипп: А жалованье?

Горчаков: Вполне приличное.

Филипп: А шо? Подходяще... Хотя... (*чесет пятерней затылок*) Не, не смогу.

Горчаков: Это почему?

Филипп: По-ихнему говорить я не умею. Да и наук никаких не знаю. Грамоте плохо обучен. Пушай лучше каждый свое дело делает. Министры – договоры пишут, а крестьяне – землю пахут.

Горчаков (смеется): Да ты не просто философ, Филипп, а прямо конфуцианец!.. Ну, хорошо, а если англичане сюда приедут дела вести? Или, например, землю пахать начнут, вот прямо здесь, по соседству?

Филипп: Ежели человек дельный, работник справный, пушай себе пашет. Главное, чтобы не пьяница был, обычаи наши уважал и супротив общины не шел. А по-русски говорить как-нибудь выучим...

Горчаков: И тебе не жалко земли?

Филипп (пожимая плечами): А чего ее жалеть? В России земли много... Для друзей она завсегда скатертью-самобранкой обернется, а для врагов – погостом.

Горчаков (смеется): Ну вот скажи, Пушкин, что мы за империя такая странная? Никого не грабим, население коренное с их земель не сгоняем, союзнические обязательства, даже если это нам не выгодно, выполняем, даже принять у себя готовы всех, кто этого пожелает!

Пушкин: Думаю, все просто. Цели в жизни разные. Западный человек хочет жить богато, а русский – соборно.

Горчаков: Пожалуй, ты прав. Идеал русского человека – всеобщая соборность. Все народы мира живут как одна большая семья... Как думаешь, Пушкин, осуществим этот идеал когда-нибудь?

Пушкин: Не знаю. Может быть. Хотя идеалы редко осуществляются. На то они и идеалы.

Горчаков: А ты, Филипп, как думаешь? Смогут разные народы жить как одна семья?

Филипп: Отчего же нет? Только не скоро ишшо...

Горчаков: Отчего не скоро?

Филипп: Несправедности много на свете. Темноты, зависти, злости... по всему видать, до царствия божьего на земле долго.

Горчаков: Так может, и идти туда не стоит? Может, тоже начать стремиться к богатству?

Филипп: Богатство что ж, очень неплохо. Только скучно оно само по себе, без царства божьего. Был тут в соседнем имении мужик, Макаром звали. Так все о воле мечтал. И вот случилось, спас он как-то своего барина. Ну, тот в благодарность вольную ему подписал. Торговать Макар начал, разбогател... А через два года удавился.

Горчаков: С чего это вдруг?

Филипп: Скучно жить стало. Ведь он о воле как о царстве божием мечтал. А она в жизни для него богатством обернулась.

Горчаков: Интересный ты мужик, Филипп. Сам-то на волю хочешь? Тебе она не опасна?

Филипп: Мне не опасна. Я о воле не мечтаю.

Горчаков: А о чем мечтаешь?

Пушкин: Знаю я, о чем он мечтает. Все о Палашке, небось, грезит.

Горчаков: Что еще за Палашка?

Пушкин: Да есть тут одна, местная красавица.

Горчаков: Гм!.. Эй! Эй! Смотри! Клюет! Клюет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.